

Из периодики прошлого

Сигизмунд Геринг ОТЧЕГО КУРС РУБЛЯ КОЛЕБЛЕТСЯ¹ (извлечение)

Новые выпуски рубля вместе с новыми внутренними и внешними займами следовали всегда или непосредственно перед началом военных действий для удовлетворения громадным подготовительным работам или же вслед за прекращением войны для пополнения недочета, произведенного издержками.

К следованию по скользкому пути чрезмерного увеличения текущего долга вынуждала Россию, как мы это видели, необходимость охранения или же желание усиления государственного могущества. Это и есть единственная причина и единственное оправдание столь неосмотрительного сорения кредитными билетами, так как стремление к охранению и расширению сферы государственного влияния — это, к сожалению, и поныне *ultimaratio* всякого государственного организма. Нет державы, которая бы в критических моментах, требующих напряжения всех сил народных, когда долгосрочные займы не могут быть в желаемой степени быстро и выгодно заключаемы, нет, повторяем, государства, которое не прибегало бы к этому рискованному правду, но единственному в таких случаях средству. Не станем указывать здесь ни на Италию, ни на Австрию, которая точно таким же образом пополняла всегда прорехи равно обыкновенного, как и военного бюджетов, но неужели иначе поступали в подобном положении столь гордая своей промышленностью и торговлей Англия, богатая капиталами Франция и, наконец, столь цветущие ныне в финансовом отношении Соединенные Штаты? Вся разница в том лишь, что Россия ввиду относительно меньших финансовых средств, чаще, нежели другие державы, была или полагала быть вынужденной обращаться к государственному кредиту для всегда разорительной вооруженной защиты своих прав и притязаний. Слишком же частое прибегание к одному и тому же средству составляет уже само по себе злоупотребление.

Остановиться, однако, на столь избитых и общих фразах невозможно. Следует прежде всего уяснить, в чем именно состоит *употребление* и когда начинается *злоупотребление* государственным кредитом в области денежных отношений.

Оставляя в стороне длинные экономические разглагольствования, напомним лишь здесь читателю то, что в текущем товарном хозяйстве всякая денежная единица имеет прежде всего в виду облегчить обмен товаров и определить их стоимость в момент обмена. Дабы удовлетворить этой задаче, денежный знак необходимо должен обеспечивать своему владельцу возможность получения во всякое время в других товарах стоимости проданного им товара. Обеспечение

¹ Геринг С. Отчего курс рубля колеблется // Геринг С. Рубль. История, причины колебания и средство упрочения бумажного рубля / пер. И. Кучинского. СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1892. С. 15—33.

такого рода должно быть тем более веско, что владелец товара лишь по истечении многих лет после совершения им продажной сделки пожелать может часть вырученных денег променять на иные товары. Ввиду этого деньги (кроме функций: мерила и орудия обращения) при обмене ценностей должны удовлетворять еще третьей функции, а именно — сберегателя ценностей — и во всех этих трех отношениях должны представлять собой полное обеспечение.

Обеспечение может быть двоякое: материальное и нравственное. Требованиям материальной гарантии деньги удовлетворяют тогда, когда, будучи товаром признанной всеми полезности, одновременно содержат в себе такое количество труда, какое содержал сбытый взамен их товар. Нравственную же гарантию представляет здесь ручательство экономически крепкого и общеуважаемого учреждения в том, что признает оно данный товар или знак средством обмена и постоянно безостановочно обязуется принимать его по номинальной ценности. Когда учреждение таковое представляет собой не только экономическую, но и политическую силу, как, например, государство, тогда оно в состоянии вменить в обязанность всем и каждому, дабы в пределах, подлежащих его власти, обращались исключительно выпускаемые или утверждаемые им орудия обмена, и даже, дабы орудия эти общепринимаемы были, согласно наперед определяемой ценности. Таковое поставление при соблюдении тех условий и в тех пределах, какие позже попытаемся выяснить подробнее, имеет полную возможность быть осуществимым на деле.

С точки зрения материального обеспечения благородные металлы, как известно, представляют собой лучший денежный материал.

Не говоря уже об их бесспорной, постоянной полезности, об их устойчивости против внешних влияний, об их на трудностях добывания основанном качестве скопления громадного количества труда в относительно небольшом объеме, благородные металлы тем еще отличаются, что условия их производства не подвержены столь быстрым и частым колебаниям, как это бывает с другими товарами и что вследствие этого владельцы известного количества золота или серебра могут питать уверенность, что и спустя более или менее продолжительное время получат взамен металла полную стоимость его во всевозможных других товарах.

Но все-таки даже столь значительное материальное обеспечение, каковое представляют вследствие естественных своих качеств благородные металлы, оказалось само по себе еще недостаточным, дабы и на высших ступенях экономической жизни сохранили они за собой значение неоспоримого средства обмена. Сама уже необходимость удостоверения количества и качества обращающегося в целях обмена металла потребовала изыскания сверх материального еще нравственного ручательства в том, что данный кусок золота имеет тот, а не иной вес, ту, а не иную пробу. На известных ступенях культуры эту почетную и вместе с тем выгодную роль обыкновенно удерживает за собой государство, которое приложением своей печати удостоверяет, что данная монета столько-то содержит в себе чистого металла.

История подделок, совершаемых не только в Средние века, но и в Новейшее время, свидетельствует о том, что государство далеко не всегда добросовестно относилось к этой почетной своей миссии. Помимо, однако, всех уклонов с прямого пути, роль эта столь свойственна государству, для общества же услуги его здесь столь необходимы, что ныне с куском чистого серебра в кармане не

только в деревне, но и в любом провинциальном городке можно околоть с голоду, прежде чем отыщется благодетель, который владельцу благородного металла пожелает любезно учесть стоимость его, собственно же половину стоимости в полусеребряном, полумедном, но зато государственном билоне. И наоборот, при небольших покупках никому не взбредет на ум усомниться в этом государственным гербом закрепленном билоне, содержащем в действительности более меди, нежели серебра.

Столь великое, едва ли не преувеличенное значение, общепридаваемое нравственной, в особенности же государственной, гарантии, раньше или позже навести должно было на идею упрочения обмена, если не исключительно, то, по крайней мере, преимущественно на этой основе. Первые робкие в этом направлении опыты основывались на выдаче банками депозитных билетов взамен вкладов золотом или серебром, конечно, с правом полного или частичного изъятия депозита по каждому востребованию.

Вскоре оказалось, что публика, коль скоро раз проникнется к банку доверием, долгое время не требует возврата внесенных сумм и довольствуется депозитными свидетельствами или билетами, более удобными при сделках, а в особенности при перевозках на дальнее расстояние. И вот на счет лиц, не пользующихся присущим им во всякое время правом обмена депозитного билета на металл, банки стали допускать выдачу ссуд под проценты из сумм депозитного фонда. Насколько эти ссуды получали обеспечение в виде хранимого в банке товара или же векселей ответственных торговых фирм, настолько при нормальных условиях интересы владельцев депозитов не были еще нарушаемы.

Со временем то, что первоначально было в некоторой степени злоупотреблением (так как банк не был уполномочен вкладчиками делать обороты хотя бы ничтожной долей отданных на хранение капиталов), стало вполне естественно и гласно. С одной стороны, вкладчики взамен ничтожного процента начали соглашаться на то, чтобы банк делал обороты их капиталами (текущий счет), с другой же — возникли так называемые эмиссионные банки, пользующиеся привилегией выпуска известного количества во всякое время разменяемых банковых билетов (банкоцетли), выпускаемых свыше суммы принадлежащего банку металла.

Совместность обращения банковых билетов с золотом и серебром выдвинула запутанный экономический вопрос, каким образом эти печатные доказательства банкового долга, сами по себе не представляющие никакой материальной ценности, могут стать мерилем стоимости даваемых взамен их товаров, и далее: такое искусственное увеличение орудий обмена, влияет ли, и если влияет, то в какой степени, на цены всякого рода товаров?

На вопросы эти тем затруднительнее было дать положительный ответ, что еще поныне не одолели экономисты иного основного вопроса, а именно: зависит ли необходимое количество этих металлов в форме монеты (при определенной быстроте денежного оборота и определенной ценности золота и серебра) от количества, цены и быстроты оборота находящихся в обращении в данный момент товаров, или же наоборот: цены на товары возрастают и падают по мере того, как количество находящейся в обращении монеты увеличивается или уменьшается?

Оба эти прямо противоположные мнения нашли своих горячих поклонников. Если, однако, стал последовательно на почве стоимости, определяемой размером

труда, то возможно одно лишь решение этого вопроса, а именно, что зависящие от условий производства изменения ценности денежного материала постоянно отражаются на ценах остальных товаров: само же количество находящихся в обращении монет не только прочного влияния на цены оказывать не может, но напротив — само применяется к требованиям рынка, и применяется так именно, что, по мере возрастающей потребности денег, из золотых или серебряных слитков отчеканивается монета, по мере же меньшей их потребности монеты сплавляются в слитки или прямо превращаются в золотые и серебряные изделия.

Достоверность вышеизложенного кажется столь очевидной, что в некоторой степени отказываемся понимать, каким образом прямо противоположное мнение, приписывающее изменение в цепях товаров колебаниям количества монеты, не только сумело проложить себе путь в науке, но в числе последователей своих считает того самого Давида Рикардо, который первый пролил надлежащий свет на основное соотношение стоимости и труда. Причины странной этой непоследовательности столь пронизательного и точного ума доискиваться должно разве в том, что уменьшение количества труда, потраченного на единицу данного изделия, обыкновенно, хотя и не всегда, следует равномерно увеличенной его производительности, и наоборот: уменьшенной производительности соответствует чаще всего увеличенное количество труда на единицу данного изделия.

То же самое происходит и с золотом. Лишь только обнаруживаются более обильные золотые копи, тогда, с одной стороны, уменьшается количество труда, содержащееся в единице веса золота, с другой же — больше золота в качестве товара и монеты появляется на рынке. Рикардо поражен был тем обстоятельством, что лишь только золото появляется обильнее, цены на прочие товары повышаются, забыл, однако, о возникающем одновременно вследствие этого понижении стоимости того же обильнее наплывающего золота.

В такого рода случаях, когда после двух одновременно происходящих явлений (большее количество золота на рынке в меньшее количество труда на единицу золота) следует третье (повышение цен), всегда может возникнуть сомнение, которое из двух предыдущих явлений есть причиной третьего последующего. Дабы сомнение это рассеять, достаточно вообразить себе, что произойдет, коль скоро технические улучшения, не увеличивая общего количества добываемого золота, значительно уменьшат размер труда, совмещаемого, например, в фунте золота?

Несомненно, золото тогда станет дешевле, цены же на все товары повысятся, хотя количество находящейся в обращении монеты останется одно и то же. Мы в состоянии даже представить себе обратный случай, а именно — что (как это теперь уже имеет место в интенсивном земледельческом хозяйстве) требуемое увеличение количества золота станет в будущем достижимо не иначе, как при увеличении размера труда на единицу золота. Очевидно, что тогда ценность золота, соответственно, повысится, цены же на прочие товары в том же отношении понизятся, несмотря даже на то, что одновременно увеличится количество металла, служащего для целей обмена.

Если, однако, — вопреки Рикардо — положительно утверждаем, что количество находящейся в обращении монеты не производит *постоянного* влияния на цены товаров, но, напротив, само находится в зависимости от той массы товаров, каковую необходимо в данный момент пустить в оборот, то тем еще не желаем от-

рицать, что ощутительное и быстрое иссякание монеты в состоянии произвести *временное* ее вздорожание и тем самым относительное понижение цен на прочие товары; не отрицаем и того, что неожиданный и обильный прилив золота (как это обнаружилось в Германии во время взимания пятимиллиардной контрибуции) путем искусственного подъема производительности и увеличенного спроса, произвести может *временную* дороговизну.

Тем не менее такого рода колебания цен в силу необходимости кратковременны, так как временный недостаток монеты легко пополнить или денежными суррогатами, как-то: векселя, чеки, банковые билеты и т.д., или прямо внесением долга в банковые или банкирские книги; излишек же монеты спустя некоторое время частью будет сплавлен в слитки, для потребностей золотых дел мастеров и что важнее — международной торговли, — частью же, посредством удержания его в банковых и частных кассах, перестанет исполнять функцию орудия обмена и начнет играть роль совсем иного рода: роль сберегателя ценностей.

Вышеприведенные объяснения дают возможность легко справиться с вопросом банковых билетов, т.е. размеряемых во всякое время и выпускаемых эмиссионными банками кредиток. Насколько количество их точно соответствует металлическим депозитным вкладам, настолько составляют они одно облегчение взаимных торговых отношений. Так как сумма средств обмена при таковой замене металла более удобными при хранении и перевозке банковыми билетами вовсе не увеличивается, то не может быть даже речи об их влиянии на цены, хотя бы с точки зрения тех теоретиков, которые, следуя Рикардо, полагают, что цены товаров зависят от количества находящейся в обращении монеты. Спорный вопрос о влиянии банковых билетов возникает едва с того момента, когда сумма их начинает превышать ценность хранимого в банке металла.

Вполне понятно, как отнесутся к этому вопросу представители намеченных выше воззрений. Те, которые цены товаров ставят в зависимость от количества средств обмена (так называемые *currency school*), станут требовать, дабы, во избежание вредных колебаний цен товаров, либо положительно воспрещен был банкам выпуск билетов свыше суммы хранимого металла, либо, в крайнем случае, определена была известная предельная норма для банковых билетов, не обеспеченных разменным фондом.

Последователи же банковской школы (*banking school*), исходя из основания, что не цены товаров зависят от количества орудий обмена, но что, наоборот, количество орудий обмена зависит от цены, массы и быстроты оборота товаров, последователи этого мнения положительно отрицать будут, что якобы при правильной деятельности эмиссионных банков возможен был вообще избыток банковых билетов. Утверждают они вполне основательно, следуя Туку, что банки умножают выпуски кредитных билетов по мере требований своих клиентов, представляющих, в свою очередь, вексельное обеспечение, уменьшают же количество пускаемых в обращение билетов, коль скоро уменьшается количество предъявляемых к учету солидных векселей, или же коль скоро увеличиваются требования размена раньше выпущенных билетов на золото.

Правда, что при усиленных выпусках банковых билетов часто наблюдается повышение цен, но все же избыток билетов гораздо чаще бывает последствием, нежели причиной. Когда под влиянием самых разнообразных, часто вполне

неосновательных мотивов, спекуляционная лихорадка охватит промышленные или торговые сферы, тогда при ускоренном ходе промышленной жизни сумма заключаемых сделок увеличивается, цены на все товары повышаются, и банки являются вынужденными выпускать известное количество билетов свыше нормы. Количества этого, ввиду новых требований рынка, невозможно считать излишком, обуславливать же им спекуляционное повышение цен тем менее основательно, что, как это по отношению к Англии Фулerton и Тук положительно доказали, что клиенты банков во время настоящего спекуляционного периода пользуются чрезвычайными выпусками в меньшей мере, нежели при нормальном ходе. И только когда спекуляция близится к концу, когда виды на запродажные сделки начинают ослабевать и появляются первые признаки реакции, тогда только барышники, дабы не очутиться в необходимости реализовывать *atoutprix* свои запасы, выступают с назойливым требованием кредита, и банки ввиду предотвращения грозящего кризиса удовлетворяют этим требованиям при помощи добавочных выпусков.

Конечно, предполагается здесь, что эмиссионные банки действуют правильно. Коль скоро же происходят злоупотребления и банки для увеличения своих прибылей выпускают билетов свыше собственной возможности и действительной потребности, и вдобавок неосмотрительно сорят ими, например, под залог векселей не вполне надежных, тогда, очевидно, искусственно возбужденный спрос может произвести на некоторое время повышение цен. Но и в этом случае не столько излишек банковых билетов, сколько несоответственное употребление их является причиной зла, ибо при тождественных условиях выступает оно и там, где банки не пользуются правом выпуска собственных билетов.

Если относительно несложный вопрос разменных кредитных билетов произвел в экономической науке такой хаос прямо противоположных мнений, то понятно, что вопрос о неразменных банковых билетах усугубляет еще более путаницу. Применяемые здесь односторонние теоретические основы привели логически к отрицанию всякой возможности правильного действия такого денежного суррогата, который и сам по себе не представляет никакой ценности, и не может быть во всякое время обменен на действительную ценность.

Поэтому те экономические писатели всяких школ и направлений: поклонники протекционизма и последователи свободы в торговле, биметаллисты и унитаристы, ярые защитники частной собственности, как профессор Билинский, и непримиримые социалисты, как Маркс, — все они щеголяют друг перед другом в преувеличивании пагубных последствий, к каковым неминуемо должна довести бумажная валюта.

Тут уже нельзя упрекнуть экономистов в разногласии.

Жаль лишь, что при явном противоречии с согласным *unisono* ученых мужей оказалась действительность, опровергая их положения рядом фактов, свидетельствующих, что бумажная валюта не только может удержаться наравне с золотой, но что в странах, пользующихся ею, возможен несомненный экономический прогресс, как мы это наглядно видим на примере России, которая без мала сто лет почти исключительно пользуется неразменными кредитными билетами. Обыкновенно, однако, об этом или просто умалчивается, или же сам факт выворачивается наизнанку. Из серьезных исследователей только Тук не поколебался,

вопреки распространенному мнению, непреложно удостоверить в своей истории цен, что в течение 23-летнего существования в Англии бумажной валюты курс ее понизился лишь настолько, насколько вздорожало за это время золото, вследствие неблагоприятных условий производства.

Один Фулerton дерзнул высказать неопровержимую истину, что во внутренних обменных сношениях бумажная валюта, насколько не выпускают ее свыше потребностей денежного обращения, может безо всякого вреда для торговли и промышленности составлять постоянное орудие обмена.

Возникает, в свою очередь, вопрос, отчего экономисты вопреки очевидности столь дружно и положительно выступают против всяких усиления упрочения денежного обращения на неразменных кредитных знаках.

Причины такого остракизма следует доискиваться, как думаем, в том положении, какое вообще заняла политическая экономия по отношению к общественным вопросам. Как известно, весьма долгое время ограничивала она объем своих исследований вещественными условиями производства, раздела и обращения материальных имуществ. По отношению к вопросу о денежном обращении довольствовались исследованием материальной стороны явления с упущением всех данных нравственного характера. Правда, начиная со второй половины текущего столетия, представители особенно немецкой экономии проявляют не вполне, впрочем, удачные попытки принять в расчет бытовые и нравственные факторы, но никому из них, насколько нам известно, не удалось по сие время изъяснить подробно, какую роль играют эти факторы в сфере кредитного обмена.

Между тем здесь-то влияние их очевиднее, чем едва ли не во всякой другой области экономической жизни.

Сам уже факт беспрепятственного обращения стертых монет и полусеребряного медного биллона, наравне с монетой надлежащего веса и пробы, свидетельствует, как мы уже упомянули, о высоком значении такого нравственного фактора, каким является государственная гарантия, запечатленная приложением государства иного герба на монете.

Еще явственнее обнаруживается вескость такого ручательства по отношению к банковым неразменным билетам.

Несмотря на то, что все почти экономические писатели преимущественно напирают на немедленный обмен, очевидно, вся суть заключается здесь просто в уверенности, что государство или привилегированное государством банковое учреждение не только в данный момент, но и в ближайшем будущем не откажет в обмене выпущенных им билетов на золото. Во всей же полноте своей обнаруживается нравственное значение такого ручательства там, где введена валюта неразменная, поддерживаемая единственно верой в незыблемость данного государственного организма и добросовестность лиц, находящихся у кормила правления.

Основные мотивы государственной гарантии можно свести к тем же факторам, которые оказывают влияние на благоприятный или неблагоприятный итог государственного бюджета, так как на излишке государственных доходов над расходами, по меньшей же мере на их равновесии, основываются надежды всех, в особенности же заграничных владельцев неразменных кредитных знаков, в том, что со временем знаки эти станут опять разменяемы на металл и что за этот

промежуток времени количество их не увеличится новыми выпусками. Поэтому все то, что плодотворно влияет непосредственно на усиление государственных доходов и понижение расходов и косвенно на подъем производительных сил народа, на равномерное распределение податных тяжестей между всеми классами общества, сообразно имущественному их цензу, на уменьшение путем погашения процентных государственных долгов и т.д. и т.д. — все это способствует подъему курса бумажной валюты. Подъем этот тем более прочен, чем сильнее укрепляется убеждение, что правильный ход государственного механизма не будет нарушен в ближайшем будущем давлением внутренних или внешних политических случайностей.

Дабы в должной мере оценить значение государственной гарантии во всякий требуемый момент, необходимо, независимо от административно-финансовых и экономических условий, принять в расчет внешнюю и внутреннюю государственную политику и даже эту последнюю ввиду ее вескости и изменчивости выдвинуть на первый план.

Казалось бы, в правильной постановке и зрелом обсуждении всех этих данных одинаково заинтересованы все владельцы выпущенных государством неразменных кредитных знаков.

В действительности ввиду причин, которые ниже укажем, интересуются этим гораздо живее кредиторы заграничные и их-то, понятно, более пессимистическая, оценка, производимая ежедневно на заграничных биржах, безапелляционно определяет ценность бумажной валюты.

Дело в том, что всякий местный представитель государственных кредиторов этого разряда, как «патриот своего отечества», склонен к более радужной оценке равно административного и экономического, как и политического состояния дел своей страны; к тому же, как подданный данного государства, состоит он некоторым образом его должником на сумму, равную ежегодно посредственно и непосредственно вносимым в государственные кассы податям. Таким образом, перед ним всегда открыто русло для отлива известной доли имеющихся у него кредитных билетов, и то обстоятельство придает им в его глазах постоянную, так сказать потребительную, стоимость и вполне независимую от курсовых колебаний на заграничных биржах.

Чем бóльшую долю своих доходов местный владелец кредитных билетов вынужден передать государству или, выражаясь точнее, чем значительнее в итоге его расходов графа всякого рода налогов, в особенности же прямых податей, тем нагляднее осязает он ценность кредитных билетов как неоспоримого средства обмена, тем менее склонен он сам по себе, ввиду принудительного внутри страны курса, к повышению цен на перепродаваемые им продукты, сообразно с понижением валюты на заграничных биржах.

У деревенского, например, люда подати составляют обыкновенно главную долю, часто половину расходов, покрываемых наличностью. И поэтому, коль скоро сборщик податей принимает неразменные кредитные билеты по номинальной их стоимости, коль скоро торговец, насколько крестьянин вступает с ним в сношения, поступает, вследствие указа о принудительной валюте, точно таким же образом, и только изредка, подъемом цен на товар, обнаруживает собственные или навеянные извне сомнения относительно тождественности номинальной и

фактической ценности бумажных денег, то ничего удивительного, что в народном разумении деньгами считается все то, что государство признает и при взимании податей принимает в качестве денег.

Непосредственное влияние этого фактора естественно умалывается по мере того, как переходим к сословиям привилегированным, у которых подати неоднократно не составляют и сотой доли их частных, в особенности же их торговых и промышленных расходов. Представители этих сословий нашли бы многое, заставляющее их поглубже вникнуть, прочна ли государственная гарантия в данный момент и не повысит ли ввиду принудительного курса цен на доставляемые ими на рынок продукты сообразно умаленному значению этой гарантии.

Но забывать не должно, что привилегированные сословия всегда находят охотных приемщиков кредитных билетов в лице крестьян, не питающих ни малейшего сомнения относительно равноценности золота, серебра и государственных кредиток.

Таким образом, и промышленно-торговым сферам, насколько внешние обстоятельства не побуждают их к этому, незачем умалывать ценность бумажной валюты; напротив, за исключением производителей на вывоз, как-то хлеботорговцев и т.п., все прочие заинтересованы в возможной поддержке курса бумажной валюты и противодействию за границе, слишком пессимистически определяющей ее ценность, часто же прямо заинтересованной если не в понижении ее курса, то в постоянных его колебаниях.

В прямо противоположном положении находятся иноземные владельцы неразменных бумажных денег. Не только не играют здесь ровно никакой роли побуждения патриотического свойства, влияющие на благоприятную оценку кредитных условий собственной страны, но, напротив, выступает здесь часто наружу политический антагонизм, и под его давлением дела соседнего государства изображаются в виде далеко не привлекательном. Кроме того — и это самое главное — заграничные кредиторы, не платя податей чужому государству, не могут пользоваться отливом для неразменных кредитных знаков в кассах той страны, которая выпустила их в обращение.

Наконец, не имеют они денежных постоянных сношений с крестьянами соседнего государства, для которых, по вышеизложенным причинам, неразменные бумажные деньги желательны наравне с разменными, наравне с золотом и серебром. Для иноземного кредитора желателен возможно скорый сбыт чужого денежного знака, желательно точное, хотя по необходимости приблизительное, разрешение вопроса, которая из двух возможностей более правдоподобна: возобновление ли обмена находящегося у него кредитного знака на металл или же государственное банкротство — девальвация, т.е. возобновление обмена, но уже не по номинальному, а по тому обыкновенно крайне низкому курсу, который будет в момент объявления девальвации.

Вот две крайности, между которыми обыкновенно поставлен владелец бумажной валюты соседнего государства. Пытается он взвесить все вышеизложенные данные, дабы прийти к заключению, какая из двух упомянутых крайностей ближе действительности.

Результаты этой оценки провозглашаются заграничными кредиторами на биржах, к сожалению, однако, приговор произносится здесь не с достоинством

беспристрастного судьи, но в нервном возбуждении пожираемого золотой лихорадкой ажиотера. Печальны поэтому судьбы государства, которого финансовый и экономический процесс был бы хотя отчасти зависим от мнения такого ареопага, каким является дающее тон на бирже сборище барышников.

Доныне речь шла об общих основах государственной гарантии и о том, каким образом производится оценка ее извне и внутри страны, пользующейся неразменными бумажными деньгами. Помимо этой общей гарантии, государство может и даже обязано, если не вполне, то отчасти, обеспечить текущий долг. Такого рода обеспечением обыкновенно является разменный фонд, хранимый на случай, когда более благоприятное состояние финансов дозволит возобновить обмен. Это, казалось бы, уже не нравственная, но, до размера суммы фонда, материальная гарантия бумажной валюты. Но и здесь решающую роль играет уверенность публики, что разменный фонд существует действительно и в тех именно размерах, в каковых показывает это казна. Точно так же необходима уверенность, что фонд даже в случае войны не будет тронут, что благополучно существовать будет до момента возобновления обмена. Государство, особенно относительно возобновления обмена, не в состоянии представить своим кредиторам безусловного ручательства, и поэтому этот ничем существования своего не проявляющий и во мраке кладовых банка похороненный разменный фонд серьезно принимаем бывает в расчет в редких лишь случаях.

Умело утверждать можно, что подавляющее большинство владельцев кредитных билетов крайне слабо заинтересовано и по большей части обладает крайне неточными сведениями относительно состояния разменного фонда в тех государствах, где (как в Австрии, России, Турции и до недавнего времени в Италии) обращаются бумажные деньги.

Мы говорили об основных факторах, под влиянием которых определяется размер ценности неразменных кредитных знаков. Но данный, представляющий большую или меньшую ценность кредитный знак, одновременно может быть более или менее желателен: ввиду этого, независимо от основных, устанавливающих его стоимость данных, обнаруживается здесь, точно так же, как во всех других видах купли и продажи, фактор спроса и предложения, тоже влияющий на ценность бумажной валюты, а следовательно, на ценность торговых обязательств (векселей), в этой валюте заключаемых.

Конечно спрос на векселя государства, пользующегося бумажной валютой, тем будет значительнее, чем значительнее в данный момент суммы, причитающиеся стране этой от государств, имеющих металлическую валюту, и чем меньше долговые ее обязательства по отношению к упомянутым государствам.

Насколько имеем в виду одно лишь движение товаров, перевес сумм, причитающихся данному государству, над его долгами тем значительнее, чем значительнее вывоз в сравнении со ввозом, или, иными словами, чем благоприятнее торговый баланс государства.

Факт этот, по-видимому, бесспорный, в значительной степени способствует — в странах с бумажной валютой — как Россия — направлению финансовой политики на путь протекционизма, так как протекционная политика, по мнению ее последователей, ограничивая ввоз иностранных изделий и в то же время благоприятствуя вывозу внутренних продуктов, увеличивает графу перевеса вывоза над ввозом.

Так как за излишек этот необходимо раньше или позже рассчитаться, то граница вынуждена покупать либо бумажную валюту, либо векселя, уплата по которым производится в России, вследствие чего курс и валюты, и векселей, соответственно, должен повыситься.

Таковы премиссы тех теоретиков, для которых благоприятный торговый баланс составляет альфу и омегу экономической и финансовой мудрости.

Но факты из экономической жизни последних лет сильно подорвали веру в магическое влияние благоприятного баланса на курс валюты, так как оказалось, что, вопреки установившемуся раньше мнению, курс рубля падал все ниже, между тем как в течение последнего десятилетия торговый баланс оказывался все более благоприятным. Но не только данные из экономической жизни России опровергают доктрину благоприятного баланса.

Более точный обзор экономических отношений других государств доказывает, что Россия не составляет здесь исключения. Из многочисленных данных, собранных в статистических таблицах Неумана-Спалларта и Мюльголля, явствует, что Европа, эта наиболее экономически прогрессирующая часть света, имеет наименее благоприятный торговый баланс, между тем как баланс подающейся с каждым днем назад Азии — удовлетворителен, т.е. показывает перевес вывоза над ввозом.

Сопоставление торговых балансов отдельных государств Европы наводит на еще большие сомнения относительно значения этого якобы несомненного признака внутреннего благосостояния страны. Немыслимо допустить ни на минуту, что такие, например, страны, как Англия, Франция, Голландия, Бельгия, баланс которых в течение целого ряда лет заключался перевесом ввоза над вывозом, стоят в экономическом отношении ниже России, Испании и Австрии, которые, страдая несомненным экономическим недоразвитием, похвастать могут значительным излишком вывоза над ввозом, т.е. благоприятным балансом. Факты такого рода вынудили расширить понятие торгового баланса. Уже Билинский основательно замечает, что к платежам по торговым оборотам присовокупить должно и все другие, следовательно, платежи по капиталу, занятому иноземными правительствами или учреждениями у местных капиталистов, уплату по тому же капиталу процентов, уплату барышей, причитающихся иноземным владельцам всякого рода акций, затем уплаты по покупке биржевых бумаг, приобретаемых за границей, реализованное следуемое за перевозку товаров на иноземных судах, расходы путешествующих за границей и наконец все государственные платежи в виде пошлин, субвенций, контрибуций в пользу иноземных государств и т.д.

Не подлежит сомнению, что если бы удалось дать реальное содержание расширенному таким образом понятию международного баланса, то легко было бы устранить и те недоразумения, благодаря которым неизбежно путаются все исследователи, делающие на основании результатов исключительно торгового баланса опрометчивые заключения об экономическом состоянии государства или о влиянии упомянутого баланса на курс валюты. Если бы мы знали и могли принять в расчет все вышеперечисленные нами, а обыкновенно упускаемые из виду статьи международного баланса, то, по-видимому, благоприятный баланс оказался бы неоднократно неблагоприятным, и наоборот. Жаль лишь, что составление и исчисление такого полного международного баланса (а только такой баланс может быть основанием для выводов) практически осуществимо быть не может.

Данные относительно движения товаров (собираемые на таможенных и в гаванях) позволяют еще определить до известной степени соотношение вывоза и ввоза товаров. Но мы не имеем никакого основного мерила для определения того, например, какое именно количество процентных бумаг или акций данного государства находится в обладании иностранцев, какое количество бумаг и акций приобретается и сбывается ими ежегодно, какую сумму составляют проценты, причитающиеся иностранцам, какая часть частных займов ежегодно погашается, сколь велика сумма ежегодных платежей по перевозке товаров на иностранных судах, сколько расходуют иностранцы за границей, и т.п. и т.п.

Собрание данных такого рода теперь еще немыслимо, желание же научным путем выяснить все это доказывало бы лишь, что тот, кто задачу таковую ставит целью своего труда, не имеет определенного понятия, как ограничены в настоящее время средства статистических исследований и каковы их неизбежные пока пределы. Вообще здесь приходится выбирать одно из двух: или на основании товарного баланса более или менее точного, но все-таки составляющего незначительную часть общего баланса, делать слишком широкие, а потому ошибочные заключения, или же ввиду того, что в настоящее время общий итог всех международных платежей не поддается определению, счесть вопрос о влиянии баланса до поры до времени неразрешимым. Что касается нас, то мы сочли более правильным откровенно признать, что в настоящее время эта задача экономической науке не по силам.

Из всего вышесказанного вовсе не следует, дабы соотношение кредита и дебета данной страны не влияло на больший или меньший спрос на его кредитные знаки и векселя, и тем самым на их курс. Мы желали указать лишь на то, что действие этого фактора во всей его полноте не только в цифрах, но даже в общих чертах определено быть не может и что ввиду этого всякие ссылки на баланс по необходимости голословны.

Чтобы покончить с балансом, необходимо еще обратить внимание на обстоятельство крайне важное, а именно что, касаясь вопроса влияния баланса, следует всегда иметь в виду баланс международный в *данный момент*, а никак не результаты годовых международных расчетов.

На дневной курс, например, русских векселей влиять может исключительно разница между суммой платежей, которые Россия в данный день имеет произвести, и итогом причитающихся ей к этому же времени сумм, да и то разница эта влияет тогда лишь, когда перевес поступлений над платежами, или наоборот, значителен, так как мелкие разницы не в состоянии производить курсовых колебаний.

Отсюда ясно, что если бы даже цифра годового баланса могла быть определена, то все-таки невозможно было бы предугадать степень ее влияния на курс, так как не доставало бы данных о распределении этой суммы на каждый день.

Итак, если положим, что годичный баланс России покажет сумму в 30 миллионов в ее пользу, то при равномерном распределении этой суммы на 300 биржевых дней, причиталось бы около 100 000 рублей ежедневного перевеса спроса над предложением русских векселей. Столь незначительная разница не окажет, конечно, никакого влияния на курс и, за неимением собственно торговых векселей, легко может быть покрыта с помощью тратт, специально банками с этой целью производимых. Совсем не то, если упомянутые 30 миллионов причитаются Рос-

сии к уплате срочной в течение нескольких недель, например, в начале осени, в период усиленной торговой деятельности. Тогда на одном собрании берлинской биржи может обнаружиться недостаток русских векселей в несколько миллионов рублей, столь же значительная сумма, с помощью тратт, предлагаемых банками, покрыта быть не может, и вполне естественно, что ввиду усиленных требований станет повышаться курс векселей, имеющихся налицо к продаже.

Остается выяснить, до каких пределов могут простираться курсовые колебания, обусловленные указанными случайными влияниями.

Приблизительный ответ дают нам факты из биржевой жизни тех государств, где уплата по векселям производится не кредитными знаками, но металлом. Факты эти, собранные за много лет, убеждают, что при наиболее усиленном спросе на векселя немецкие в Париже или французские в Берлине — курс их не поднимается свыше 101, 102 за сто, и наоборот, при сильнейшем предложении не падает ниже 98 за 100. Нет никакого основания предполагать, что с русскими векселями было бы иначе, коль скоро уплата по ним производилась бы металлом. Итак, поскольку курсовые колебания находятся в зависимости от этого фактора (от баланса России по отношению ее к другим народам в наиболее обширном смысле этого слова), то колебания эти не должны превышать 2—4%, все же более значительные отклонения курса объяснять должно влиянием иного рода факторов, преимущественно же изменяющейся на заграничных биржах оценкой политического, экономического и финансового состояния России.

Поэтому-то необходимо различать тот уровень ценности неразменных кредитных знаков, на который влияют вышеуказанные факторы, от тех колебаний, которые обуславливаются размерами спроса и предложения. Трудность проведения здесь демаркационной черты нисколько не доказывает, что черты этой не существует вовсе, мнение же, будто курс бумажной валюты зависит едва ли не исключительно от соотношения спроса и предложения, в самой основе своей столь же ошибочно, как ошибочно другое, параллельное и ходячее в среде буржуазной экономии, мнение, будто товары не представляют сами по себе никакой ценности, а одну лишь цену, формирующуюся на рынке под влиянием конкурентной борьбы между покупателями и продавцами.

Не здесь место на критический разбор этого рода воззрений, заметим лишь, что в научном отношении они на одном уровне с мнением тех прибрежных рыбаков, которые в простоте духа утверждают, что вода в море не имеет никакого уровня, а только поднимается при сильном и понижается при слабом ветре.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
Цифровой академической библиотекой «Автограф»
URL: <http://avtograf-library.ru>*